

572

+

Академия наук СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

На правах рукописи

БОБОТОВ Сергей Васильевич

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ
БУРЖУАЗНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

(специальность 12.00.09 — уголовный процесс,
судоустройство, прокурорский надзор, криминалистика)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

МОСКВА — 1979

Работа выполнена в Ордена Трудового Красного Знамени институте государства и права АН СССР.

Официальные оппоненты:

Доктор юридических наук, профессор **Б. С. Никифоров.**

Доктор юридических наук **И. Б. Михайловская.**

Доктор юридических наук, профессор **В. А. Туманов.**

Ведущая организация — Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

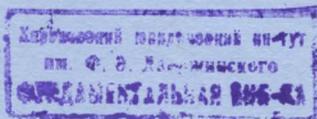
Защита состоится «*27*» *ноября* 1979 г. в *14* часов на заседании специализированного ученого совета Д.002.09.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук при Ордена Трудового Красного Знамени институте государства и права АН СССР (Москва, Г-19, ул. Фрунзе, 10).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института государства и права АН СССР.

Автореферат разослан «*16*» *октября* 1979 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат юридических наук

КРИГЕР Г. Л.



код экземпляра

58586



ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последнее десятилетие в советских научно-исследовательских юридических институтах и вузах развернулись социологические исследования, имеющие в качестве одной из целей оказать практическую помощь законодательным органам и органам управления в выработке оптимальных решений социальных, культурно-политических и экономических проблем. Специалисты всех отраслей юридических знаний проявляют живой интерес к тому, что сделано в области развития правовой мысли и особенно в сфере практической деятельности юстиции и отражения ее результатов в законотворческом процессе.

В условиях широкого развертывания эмпирических социологических исследований в нашей стране, повышения их практической роли в общественной жизни, все большее значение приобретают вопросы теоретического осмысления и критической оценки зарубежной социологической мысли, в том числе в области отправления правосудия. Марксистский анализ буржуазных концепций правосудия и судебной практики всегда являлся актуальной задачей советской юридической науки. Тщательное изучение фактического материала и его научная оценка являются необходимым условием показа классовой сущности империалистического правосудия, его служебной роли как одного из средств охраны и укрепления общественных отношений, выгодных и угодных буржуазии.

Тот факт, что в последнее время правовая наука на Западе широко опирается на социологические исследования, свидетельствует о стремлении буржуазных ученых подсказать законодателю пути разрешения назревших социальных проблем, в частности, за счёт усовершенствования правовых механизмов. Разумеется, речь идет об их приспособлении к новым условиям развития капитализма, причем это «приспособление к новым условиям не означает стабилизации капитализма как системы. Общий кризис капитализма про-

3447

должна углубляться»¹. Развивая это положение в докладе на XXV съезде КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указал на его общий, комплексный характер. Идейно-политический кризис «поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные нормы. Коррупция становится все более явной, даже в высших звеньях государственной машины. Продолжается упадок духовной культуры, растет преступность»².

Буржуазное общество традиционно связывало с отправлением правосудия реализацию торжественно провозглашенных им представлений о всеобщем равенстве, справедливости и других «естественных и неотъемлемых» правах человека. Но, будучи антагонистическим по своей природе, формам и методам реализации власти, порождая все новые и новые социальные противоречия, оно оказалось не в состоянии достигнуть этих идеалов.

Актуальность темы определяется отсутствием в советской юридической литературе комплексных монографических разработок по проблемам социального механизма буржуазной уголовной юстиции, охватывающих одновременно значительный круг стран. Между тем, именно в сфере уголовной юстиции, наряду со сферой криминологии, буржуазные социологи в последние два десятилетия провели заслуживающие внимания эмпирические исследования, результаты которых нашли отражение как в научной, так и публицистической литературе. Данные, полученные в ходе этих исследований, частично использовались в законопроектной работе. В то же время некоторые материалы освещались средствами массовой информации в спекулятивных, тенденциозных целях. Прогрессивно настроенные буржуазные ученые использовали социологическую информацию для критических суждений в адрес буржуазной уголовной юстиции.

Новизна работы. Диссертант концентрирует внимание на социальном механизме буржуазной уголовной юстиции в связи с обострением на Западе дискуссий о путях и средствах усовершенствования этого механизма, его приспособления к современным нуждам, в особенности к условиям научно-технического прогресса. Содержанием понятия «социальный механизм» охвачен значительный круг вопросов, связанных с реальным функционированием буржуазной уголовной

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 14—15.

² Материалы XXV съезда КПСС, стр. 29.

³ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1976, стр. 29.

юстиции, включая социально-политическую обусловленность ее целей и задач, эффективность осуществляемой в ее рамках правоприменительной деятельности, «образ юстиции», т. е. систему отношений и оценок работы ее отдельных звеньев и должностных лиц со стороны различных социально-профессиональных групп, уровни правовых знаний и правосознания, престиж отдельных юридических профессий, влияние на деятельность буржуазного правосудия социо-культурных, экономических и особенно политических факторов. Включение в тему работы этих вопросов обусловило ее комплексный характер. В поле зрения диссертанта в той или иной мере оказались разные аспекты деятельности уголовной юстиции: политологический, социологический, аксиологический, психологический и частично организационно-технический. Все эти аспекты рассматриваются в их органическом единстве.

В своем исследовании диссертант пользуется **монографическим методом в сочетании с методом сравнения и факторным анализом**. Использование этих методов позволяет не только сопоставить данные, характеризующие состояние того или иного правового явления или института в различных странах, но и обеспечить валидность и представительность выводов. В то же время такое сочетание методов облегчает преодоление затруднений, связанных с тем, что социологическая информация, как правило, подается и интерпретируется с различных позиций, обусловленных многопартийным составом буржуазных ученых, среди которых имеются представители различных научных школ. В изучении социального механизма уголовной юстиции также можно выделить два основных направления — консервативное и радикально-критическое.

Задача первого направления — чисто тенденциозная, открыто классовая. Это направление апологетизирует буржуазную правовую систему и принципы правосудия, ставя их выше идеологических споров и социальных конфликтов. Последние, якобы, обречены на исчезновение в условиях «индустриального», «новомодектратического» и экономически развитого капитализма. В то же время представители этого направления прилагают усилия к тому, чтобы скомпрометировать коммунистическую идеологию, социалистическое право и правосудие. Правовая система социалистического типа изображается ими в качестве сферы, где господствуют идеологические догмы и предрассудки, пристрастие и волюнтаризм. По их мнению, развитие социалистических принципов правосудия и законности не опирается на истинные и достоверные знания о социальных процессах.

Однако в последнее время все более прочные позиции за-

воевызывает радикально-критическое направление в буржуазной социологии права, особенно в европейской. Представители этого направления нередко выступают как обличители социальных пороков капиталистического общества. Они критикуют ограниченную эмпирическую социологию за мелкотемье, уход от важных социальных проблем.

Активизация социологических исследований в буржуазной науке о правосудии обусловлена определенными обстоятельствами. Главное заключается в том, что в большинстве капиталистических стран среди населения возникло открытое недовольство нынешним отправлением правосудия, которое не отвечает более требованиям социального развития. С другой стороны, на судебную деятельность все большее воздействие оказывает технический прогресс. В частности, развитие кибернетических и автоматизированных устройств (поисковых систем) и их широкое внедрение в законотворческом и судебном процессах не только повлияли на формы и методы судебной деятельности, но и в известной степени способствовали пересмотру концепций о роли правосудия в обществе.

В силу этих обстоятельств не только у ученых, но и у практиков, давно зреет мысль о целесообразности реформ в области отправления правосудия с учетом насущных социальных потребностей и достижений технического прогресса. Научная общественность капиталистических стран также стоит перед фактом оживления интереса к правосудию не только как предмету профессионального обучения в юридических вузах, но и как важнейшему социальному институту, от которого зависит реальное положение дел в сфере личных прав и свобод. Не случаен тот факт, что в основе реформаторских идей, исходящих от либеральных буржуазных ученых, лежит требование гуманизации и демократизации правосудия, забота о сохранении и упрочении процессуальных гарантий личности от судебного и административного произвола. Борьба за эти гарантии и за сохранение буржуазно-демократической законности ведется в ходе научных дискуссий, межпартийных идеологических кампаний.

Изложенное позволяет нам оттенить и **научно-практическое значение** избранной диссертантом темы. Имея в виду, что в последние годы в СССР интенсивно проводятся мероприятия по укреплению правовой основы жизни советского общества, по упрочению законности в деятельности правоприменительных органов, советским юристам важно знать, как реально функционирует буржуазная уголовная юстиция, с какими проблемами она сталкивается и как пытаются их решить. В то же время небезынтересно рассмотреть и проекты реформ в этой области, поскольку прогностические

исследования в советской юридической науке опираются на учет достижений зарубежного опыта как в области законодательства, так и в области применения законодательства.

Самостоятельное значение имеет идеологический аспект проблемы. Собранный и обобщенный в работе обширный фактологический материал, так же как и выводы по нему, могут быть использованы советскими учеными, преподавателями и студентами как в научно-исследовательской работе, так и в пропагандистских целях (разоблачение классово-ролевой и органических пороков буржуазной уголовной юстиции).

Под уголовной юстицией в самом широком смысле буржуазное правоправление разумеет не только собственно правосудие по уголовным делам, но и деятельность системы правоприменительных органов (судов, прокуратуры, полиции, пенитенциарных учреждений), которые так или иначе участвуют в применении законодательства, нацеленного на борьбу с преступлениями. Однако стержнем всей системы, безусловно, являются судебные органы, осуществляющие рассмотрение уголовных дел, ибо действия других правоприменяющих органов обеспечивают в различном объеме и качестве функцию разрешения дела в судебной инстанции, либо на ее предваряющем, подготовительном этапе (досудебное производство), либо на последующих стадиях, включая контроль за отбыванием наказания и постпенитенциарный надзор. Комплексное рассмотрение вышеуказанной проблемы, да еще по основным капиталистическим странам, трудно выполнимо в рамках одной работы. Поэтому для индивидуального исследования диссертант выделил наиболее актуальный и идеологически острый аспект проблемы — **социальный механизм правосудия по уголовным делам**, что предполагает изучение и анализ всей совокупности внешних и внутренних факторов, воздействующих на уголовно-процессуальную деятельность, в частности, на процесс подготовки и принятия судебных решений. Естественно, что и в этом ограниченном срезе имеются серьезные затруднения для сравнительного анализа сходных, но отнюдь не тождественных институтов правосудия по уголовным делам ведущих капиталистических государств. Однако исследование этой проблемы в то же время и значительно облегчено тем, что к настоящему времени советская юридическая наука располагает глубокими научными исследованиями механизма уголовной юстиции по отдельным странам. Прежде всего, это касается США. Уголовная юстиция этой страны изучалась советскими учеными и в комплексе, и по отдельным институтам. Прежде всего отметим работы К. Ф. Гуценко, П. И. Гришаева, С. Л. Зивса, Н. Ф. Кузнецовой, Э. Б. Мельниковой, И. Б. Михайловской,

Б. С. Никифорова, Ф. М. Решетникова, А. А. Старченко, В. П. Шупилова, А. М. Яковлева.

По европейским странам (Англия, Франция, ФРГ, Скандинавские страны) такой глобальной панорамы исследования уголовной юстиции, как по США, советская правовая наука пока не имеет, хотя по некоторым из них в разное время издавались монографии, освещающие вопросы уголовной юстиции, в основном с теоретических позиций. Прежде всего, это работы Н. Н. Полянского, М. С. Строговича, А. А. Пионтковского, А. А. Герцензона, М. А. Чельцова, в которых более или менее подробно, либо в исторической ретроспективе, либо в плане сопоставления рассматривались отдельные стадии, принципы и формы уголовной юстиции. В последние годы появились и специальные исследования механизма правосудия по отдельным западноевропейским странам (работы Н. С. Алексеева, Л. Л. Ананиан, Т. В. Адаровой, И. С. Власова, К. Ф. Гуценко, В. И. Каминской, И. А. Ледях, А. И. Лубенского, Г. И. Мачковского, Т. Г. Морщаковой, Л. А. Нежинской, Ю. П. Урьяса, В. П. Шупилова и др.). Имеются отдельные журнальные статьи, освещающие репрессивно-карательную сторону юстиции в Италии, скандинавских странах.

Большинство из вышеуказанных работ построено на анализе нормативного материала и судебной практики. Лишь в незначительной мере их авторы касаются анализа и оценки социологических исследований уголовной юстиции. Ко времени написания большинства монографий вышеназванных авторов социологические исследования еще только развертывались. Сейчас накопленный по странам эмпирический материал создает достаточное поле для сравнительного научного анализа и подведения некоторых итогов в этом аспекте. Естественно, автор попытался построить свою работу прежде всего на разнообразном социологическом материале, нашедшем отражение как в монографиях буржуазных ученых, так и в их докладах и выступлениях на международных конгрессах и симпозиумах по социологии права. Широко использовались газетные материалы и журнальные статьи, монографии и статистические документы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения.

Во введении обосновывается выбор темы, дается общеполитическая оценка проводимых на Западе социологических исследований и краткая характеристика представленной на защиту работы.

Глава I посвящена теоретическому анализу современных буржуазных концепций правосудия.

Уже в трудах основоположников научного социализма была выявлена беспочвенность попыток представить буржуазное право в качестве классово нейтральной основы регуляции социальных процессов. Обнаружилась несостоятельность усилий представить буржуазное правосудие в качестве стража социальной справедливости, а тем самым и посеять юридические иллюзии в сознании угнетенных. Ввиду этого буржуазные юристы, политологи и социологи стали создавать новые теоретические концепции для обоснования жизнеспособности буржуазных правовых институтов, в том числе и системы правосудия, изыскивать возможности их эволюции в условиях империалистической стадии развития капитализма. Так появилась «школа свободного права» в Европе и «социологическая юриспруденция» в США. В рамках этих теорий были созданы и новые конструкции правосудия, например, прагматическая и неореалистическая. Представители прагматической концепции правосудия Д. Дьюи, Р. Паунд, О. Холмс и их последователи в различных вариациях развивали мысль о том, что отправление правосудия должно основываться не на правовых теориях, а на коллективном эмпирическом опыте. Судебная деятельность ими приравнивалась к своего рода искусству, а значение нормативной основы в этой деятельности всемерно принижалось.

На волне социологической юриспруденции в США возникло и другое течение — реалистическое, которое получило распространение и в Европе в лице скандинавской неореалистической школы. Научно-критическое кредо реалистов (К. Левеллин, Д. Фрэнк, А. Росс и др.) покоится на следующих постулатах: а) право находится в постоянном движении и создается судом; б) право не есть самоцель, а средство достижения социальных целей или функций; в) общество развивается значительно быстрее, чем правовая система, вследствие чего периодически возникает потребность в адаптации права к процессу социальных изменений; г) в судебной работе должны существовать рамки дискреции или вольного обращения с правом на том основании, что в праве временами возникает разрыв между «сущим» и «должным».

Как видно, постулаты реализма во многом тождественны прагматизму; в обеих теоретических конструкциях имеются общие установки, нацеленные на оправдание судейского волюнтаризма.

По мнению реалистов, нельзя полностью доверять традиционным понятиям о праве и справедливости, а сами право-

вые нормы должны толковаться не в их абсолютном значении, а как обобщенные предсказания того, что должны делать судьи. В обеих конструкциях заметно стремление «рационализировать» судебную деятельность за счет предельно широкого истолкования некоторых принципов правосудия, например, принципа диспозитивности.

Наряду с этим диссертант отмечает и позитивное значение новых течений в юриспруденции. Например, представители «реалистического направления» как в США, так и в Европе, оказали хотя и ограниченное, но в целом положительное влияние на пересмотр консервативных традиций в правоприменительной деятельности. Они продемонстрировали неопределенность и расплывчатость правовых норм в качестве средств, определяющих судебные решения в сомнительных и спорных судебных делах, показав, что часто судебный процесс является субъективным и непредсказуемым; предложили средства для придания судебным решениям большей степени предсказуемости и ценностные методы нахождения и принятия судебных решений; дискредитировали правовой формализм; указали на необходимость исследования всей совокупности факторов судебного процесса, правовых и неправовых, а также социально-экономической основы судебных решений.

Но их конструктивный вклад в правоведение оказался чисто эмпирическим и утилитарно-прагматическим. Строгой и научной достоверной теории судебных решений прагматисты и реалисты не создали. Начав с критики формально-догматических аспектов в применении права, отвергнув «книжное право», они выдвинули концепцию «гибкого права», которое призывалось к тому, чтобы дать в руки буржуазного государства надежные рецепты нравственного и политико-правового воздействия на массовое сознание в интересах класса капиталистов. В итоге шумные противники судебной рутины оказались на деле защитниками рафинированного крючкотворства, получившего наукообразное название «правового инструментализма».

Далее в главе рассматриваются концепции «уравнивающей» и «ретрибутивной» юстиции, возрождаемые на идиллической основе «естественного права». Обе эти концепции по существу отражают различные аспекты и стадии восстановления нарушенного права с использованием судебных процедур для примирения сторон с помощью официальных или неофициальных посредников.

Рациональное содержание концепций, питающих идеал справедливого и уравнивающего правосудия, заключено

в восстановительной функции, которую якобы призван осуществлять судья. О восстановительной функции буржуазного правосудия написано очень много. Действие этой функции, по мнению ряда буржуазных юристов, проявляется с наибольшей пользой в сфере правосудия по гражданским делам, однако она характеризует и уголовную юстицию в той части, где речь идет о восстановлении материального и морального ущерба, причиненного преступлением.

По мнению представителей этих концепций, в идеальном виде в системе юстиции должны конкурировать два начала: воздающее каждому по мере им заслуженного (*distributive*) и уравнивающее (*renumeratrice, retributive*), т. е. поддерживающее и восстанавливающее ранее существовавшее положение с помощью мер поощрения и наказания, которые должны применяться либо попеременно, либо в сочетании. Следовательно, в основу справедливого суда должен быть положен принцип эквивалентного возмещения за причиненный вред, что якобы и приводит к возможно полному восстановлению нарушенного права, а в конечном счете, и к социальной равновесию на правовой основе.

Теория «уравнивающей юстиции», которую разрабатывают Т. Экхофф, Г. Хоуменс, Э. Гоулднер и др. создает иллюзию равного обращения с неравноправными участниками процесса. Создание подобного рода концепций показывает озабоченность буржуазного законодателя и теоретика-юриста сохранением жизненности сложившихся форм правосудия путем приближения судопроизводства к взглядам и привычкам людей, к реально складывающимся в обществе отношениям. Концепция «уравнивающей юстиции» основана на фальшивом и лицемерном истолковании принципа юридического равенства граждан перед законом. В развитых капиталистических государствах в условиях все возрастающего социального неравенства этот принцип давно превратился в фикцию. В области правовой теории классовый смысл этого принципа находит свое отражение в извращенном понимании смысла справедливого и должного, а также в несовпадении категорий уравнивающего правосудия и правомерности, законности.

Повышенный интерес на Западе проявляется ныне к концепции правосудия, известной под названием «ретрибутивной юстиции или юстиции социальной справедливости» (Дж. Роулс и др.). Эта концепция базируется на идеях солидаризма и принципах договорной теории. Из нее вытекает необходимость самоограничений и добровольный отказ от притязаний на объекты или блага, имеющие ценность и для

других лиц. Цель этой концепции — недопущение конфликтных ситуаций. Дж. Роулс искусственно синтезирует абстрактно понимаемые ценности свободы и справедливости с механизмом правосудия. Его конструкция покоится на двух принципиальных положениях: 1) каждый имеет равное право на широкое обеспечение основных свобод, поскольку это совместимо со свободами других лиц; 2) все выгоды и преимущества, заложенные в общественной и экономической системе, должны быть «открыты для всех и в равной степени». По его мнению, основной принцип или цель, к достижению которых должно стремиться правосудие, — «устранение или, по крайней мере, сглаживание неравенства; иначе говоря, суд должен оберегать в первую очередь интересы лиц, оказывающихся в наименее благоприятном положении».

Роулс по существу отрицает значение всей социальной эволюции личности, отвлекаясь от таких качественно различных индивидуальных характеристик, как социальный статус личности, уровень культурного развития и т. п. Утопичность этой теории отмечена проф. У. К. Франкена (США) и Р. Будоном (Франция). Концепция Дж. Роулса добавляет мало нового к тому, что еще задолго до него утверждали Руссо и Гоббс.

В последнее десятилетие сторонники функционально-эволюционистского подхода к рассмотрению социального механизма юстиции пристальное внимание уделяют изысканию путей и средств смягчения социальных антагонизмов, опираясь на деятельность правоприменительных органов, включая и уголовную юстицию. По их мнению, применяя право, суд и органы юстиции как бы намечают каналы выхода из конфликтных ситуаций путем беспристрастного суждения о правомерности или неправомерности притязаний сторон. При этом всемерно подерживается фикция полной независимости судебной власти.

Значимость функции разрешения споров и конфликтов ввиду усложнения форм межличностного и группового взаимодействия постоянно возрастает. В условиях эксплуататорского общества возникновение конфликтных ситуаций имеет объективные основания в экономических условиях жизни индивидов, обостряющейся социально-политической борьбе, которая сталкивает не только отдельные личности, но и соперничающие группы, слои общества.

В этой связи в буржуазной юридической литературе широко пропагандируется потенциальная способность правосудия осуществлять «социальное сотрудничество путем примирения враждующих сторон» (В. Оберт, У. Уинслейд, Г. Бредемейер и др.). По мнению Г. Бредемейера, для этого необхо-

димо знание взаимосвязи между причинами возникновения конфликтов и их следствием на основе анализа предполагаемых действий ответчика и предполагаемого вреда, причиненного истцу, а также вероятных, будущих отношений между сторонами. В конфликтных делах суд нуждается в уяснении смысла «социального сотрудничества», т. е. он должен адекватно понимать цели всей судебной системы и механизм реализации судебной власти. В этом смысле судебному органу якобы помогает и законодательство и требованием клиентуры. В итоге побудительные мотивы сторон к согласию на использование судебной процедуры и принципиальная готовность к исполнению судебного решения поступают на вход» в систему социальной адаптации и затем появляются на «выходе» в виде социальной справедливости (social justice).

В этой теории очень мало нового даже по сравнению с идеалистскими добуржуазными концепциями достижения справедливости, понимаемой как выравнивание положений взаимодействующих и конфликтующих сторон через вмешательство авторитетного посредника. По существу функция судов по разрешению конфликтов и споров выступает здесь как приукрашенный и обновленный вариант охранительной функции, которая тщательно маскирует свою классовую сущность под лозунгом обеспечения «всеобщего интереса».

Неуклонный рост преступности ставит перед правительствами задачу поисков новых путей и способов борьбы с правонарушителями, заставляет изобретать и средства, которые помогли бы в какой-то мере обезопасить общество от бедствий, которые ему несет преступность. Выход из такого хаотического, беспорядочного состояния, по мнению некоторых буржуазных социологов и юристов, должен якобы заключаться в перманентных усилиях центральных властей к интеграции социальных институтов с целью придать им стабильность и способность к эффективной регуляции социальных конфликтов, смягчению напряжения в межличностных отношениях и созданию устойчивой основы для поведения в законопослушном смысле.

В последнее время все большее распространение на Западе получают концепции интегративной и контролирующей функции права и правосудия. Например, Ю. Стоун (Великобритания), Г. Хушон (Бельгия), У. Уинслейд, У. Эван (США) и др. обосновывают необходимость использования юстиции в качестве главного орудия социального контроля и инструмента интеграции. Они утверждают, что правоприменительная система, включая и правосудие по уголовным и гражданским делам, вырабатывает сама либо санкционирует сво-

ими актами складывающиеся формы межличностных отношений. Тем самым она как бы направляет разрозненные индивидуальные и коллективные действия в общее русло взаимоприемлемых и единообразных стандартов социальной деятельности. Активное положение правоприменительных органов обеспечивается, во-первых, тем, что на них возложен контроль за поведением и соблюдением норм и, во-вторых, тем, что они располагают реальными возможностями влиять на содержание регуляции, издавая властные предписания (судебные решения, административные акты и т. п.).

Работу по включению нормативных требований в социальные процессы выполняют различные правоприменительные органы: суд, прокуратура, а также должностные лица юстиции. Еще Э. Дюркгейм утверждал, что право включается в социальные отношения через судебные решения. Функционалисты развивают это положение, утверждая, что право формирует образцы социальных взаимоотношений путем включения в мотивы поведения заранее заготовленных правосудием форм.

Однако последовательное достижение целей социального контроля и интеграции с помощью права и юстиции в условиях капитализма неосуществимо. Как убедительно показал Р. Миллс, всякого рода абстрактные рассуждения вокруг моделей социального контроля, понимаемого в качестве структурированной (институциональной) формы социальной регламентации поведения, преследует главным образом пропагандистские цели. Р. Миллс считает, что такой контроль может с успехом способствовать прогрессу в социальных отношениях только в обществе, где демократия и свобода имеют истинное значение и где бюрократический феномен не развился до столь губительных масштабов, как это имеет место на Западе, в частности, в США.

Анализируя тенденцию к расширительному истолкованию функций права и правосудия в буржуазном обществе, диссертант приходит к выводу, что эта тенденция в определенной мере объективно обусловлена реальным состоянием дел в области борьбы с противоправными действиями, число которых стремительно возрастает. Поворот буржуазной социологии права в сторону детального исследования понятия интеграции и инструментов, обеспечивающих интеграционные процессы, предопределен и потребностью в разработке более гибкой системы манипулирования сознанием и поведением людей.

Главу II — «Исследования социального механизма буржуазного правосудия по уголовным делам» — диссертант начинает с обзора эмпирических исследований по проблемам

правосудия, которые проводились в последние два десятилетия в США и во многих западноевропейских государствах (ФРГ, Франция, Бельгия, Италия, скандинавские страны).

В свете социальных изменений на эмпирические исследования возлагаются важные задачи по выявлению причин и факторов, обуславливающих расхождение между декларируемыми целями правосудия и его реальным функционированием. Во многих странах отмечается тенденция к централизации и координации всех эмпирических исследований, использование совместных программ. Это, очевидно, объясняется стремлением: с одной стороны, — контролировать ход и результаты исследований, оказывающих серьезное влияние как на общественное мнение, так и на работу государственных органов, а с другой — наиболее рационально использовать технику и средства, отпускаемые на исследовательскую работу.

Наиболее значимые эмпирические исследования правосудия тесно связаны с изучением законодательства и правоприменительной деятельности в целом. Определенные выводы о функционировании судебной системы можно подчеркнуть и из общих работ по социологии права. Например, известно, какое большое значение для социологии правосудия имеют исследования эффективности правовых норм, а также внеформативных рамок деятельности учреждений и лиц, осуществляющих применение права и контроль за его исполнением. Несомненно также, что изучение некоторых аспектов судебной деятельности, например, функций судебной власти в создании, толковании и применении правовых норм, судебные формы контроля, роль судьи в современном обществе и т. п., имеют большое значение для разработки общетеоретических правовых конструкций.

Многие социально-правовые феномены: правосознание, уровень знания права, «образ правосудия», уровень приобщенности к правовой культуре, престиж юридических профессий — представляя собой сложные объекты, что и обусловило системный подход к их исследованию на Западе, явилось предпосылкой утилитарного применения методов функционального и факторного анализа. В настоящее время любой буржуазный администратор, работающий в системе уголовной юстиции, не может полностью игнорировать научные исследования, в ином случае рискуя прослыть неисправимым консерватором. Поэтому большинство их вынуждено если не стимулировать, то терпеть эти исследования. Однако нередко они проводятся без достаточного теоретического обоснования, за социологическое исследование подчас выдается простой подбор фактов или подготовка обзора по ним. Все

эти обстоятельства следует учитывать при критическом анализе достигнутых результатов.

В диссертации рассмотрены результаты эмпирических исследований по отдельным странам. **В области уголовной юстиции США** конкретные социологические исследования стали быстро развиваться в пятидесятые и особенно шестидесятые годы в связи с невиданным размахом преступности. Криминальная социология или социология преступности оформилась в самостоятельную и обширную исследовательскую сферу уже к 60-м годам. Именно это обстоятельство придало новый импульс развитию социологических исследований в области судебной деятельности (Г. Шуберт, С. Нател, Э. Шур, У. Сеймур и др.) и становлению социологии правосудия как научного направления. Американские социологи одними из первых обратили внимание на то, как складывается механизм укрепления и поддержания идеи господствующего правопорядка среди судейских чинов, каковы каналы приобретения юристами общих и специальных знаний и каков характер личных связей и контактов, существующих в мире правосудия. Эти исследования в основном развивались в рамках бихевиориальной психологии и правометрии. Американские юристы-социологи не пренебрегали и такими темами как изучение общественного мнения о праве, реакция индивидов и социальных групп на проекты реформ и установление новых видов правовой ответственности, средства, используемые для разрешения конфликтов в качестве альтернативы правовым. Все эти исследования можно классифицировать по четырем направлениям: 1) механизм правосудия и деятельности судей; 2) организация управления в сфере правосудия; 3) изучение стилей правовой деятельности; 4) отношение общественного мнения к праву, правосудию и юридическим профессиям.

Ныне в США возрастает интерес к темам, имеющим комплексный, сквозной характер как для социологии правосудия, так и для законодательной социологии и политологии. В первую очередь, это изучение природы и функций судейского нормотворчества, влияние групп давления на судебный аппарат. В разработке этих тем заняты, наряду с юристами, политологи, экономисты, социологи различных профилей.

Во Франции получили широкое развитие исследования социальных функций правосудия. Целью некоторых из этих исследований, проводимых по заданию правительственных органов (главным образом, Министерства юстиции), был не только сбор информации, но и ее практическое применение в нормотворческой деятельности. Во Франции социология правосудия отпочковалась от социологии правоприменитель-

ной деятельности и ныне составляет отдельный самостоятельный блок знаний или научное направление, в котором выделяются две большие области. Это, с одной стороны, — проблемы, касающиеся функционирования судебного аппарата и деятельности должностных лиц этого аппарата (исследование работы судей, присяжных, адвокатов, прокуроров), с другой — внешние, так называемые метаюридические факторы, оказывающие воздействие на процесс вынесения судебных решений и на мировоззрение магистратуры. В то же время судебная деятельность изучается и в рамках других научных направлений, например, правовой и судебной психологии, уголовной политики и криминологии, административного права и т. д. Широко проводится зондирование общественного мнения по актуальным социальным проблемам и намечаемым реформам во всех областях, в том числе и в сфере судебной деятельности. С помощью социологов в законодательстве были осуществлены такие новеллы, как изменение правовых концепций ответственности за вождение автотранспортных средств в состоянии опьянения, установлен новый порядок страхования автотранспортных средств, усовершенствованы формальные процедуры при рассмотрении весьма сложных дел об автоавариях, число которых стремительно возрастает, расширены дискреционные полномочия единоличных судей по делам о проступках и т. д.

Во Франции издано большое число монографических работ по вопросам уголовной юстиции. Прежде всего это труды А.-Ж. Арно, Р. Шарвена, П. Лефевра, М. Жеоля, Р. Линдона, Д. Ланглуа, Р.-В. Торпа, Р. Казамайора, Ф. Горфа, Р. Флорио и др., используемые в диссертации.

В ФРГ социологические исследования в области уголовной юстиции проводились систематически, начиная с 1969 г. (В. Каупен, Р. Верле, Х. Фолькс, К. Тухольский, Т. Разенхорн и др.). Изучались такие проблемы как социальное происхождение и образовательная подготовка судей, их социальный статус и престиж, оценка населением и должностными лицами суда и прокуратуры целей уголовной юстиции, отношение социально-профессиональных групп к различным мерам уголовного наказания и т. п. Западногерманские юристы проявляют также интерес к изучению уровней правовых знаний и правосознания. В последние годы на результаты эмпирических исследований стали опираться и профессора в своих монографиях. Среди них заслуживает внимания трехтомный труд К. Петерса, посвященный изучению причин судебных ошибок и повторному рассмотрению дел после отмены неправосудных приговоров.

В скандинавских странах социологические исследования

правоприменительной деятельности проводили Б. Кучинский, Б.-М. Перссон-Блегвад (Дания), В. Оберт, Т. Экхофф (Норвегия), К. Макела, Р. Блум (Финляндия), Т. Сегерстедт, Г. Карлсон (Швеция) и др. Их исследования особенно наглядно выявили наличие тесной взаимосвязи в функциях правовой и судебной систем. Например, низкому престижу правосудия как правило корреспондируют неуважение к закону, неудовлетворительные правовые знания и негативная оценка принуждения, осуществляемого должностными лицами. В этих странах, так же как в Бельгии и Голландии, были выявлены ситуации сопротивления правовым нормам в случаях, когда они наносят ущерб моральным чувствам и экономическим интересам отдельных социальных групп.

В Италии исследования функций юстиции по теме «Отправление правосудия и развивающееся итальянское общество» проводятся систематически с 1962 г. Исследования затронули широкий круг вопросов, как-то: организацию юстиции, ее эффективность, рентабельность, социальный, культурный и экономический аспекты, а также идеологические воззрения судебного корпуса и условия его рекрутирования. Например, миланский проект исследований в области отправления правосудия был разработан с большим размахом. Исследования имели комплексный характер и охватывали такие проблемы, как: 1) организация института правосудия (включая финансирование и организацию аппарата), 2) монографическое исследование на опыте деятельности одного из судов, 3) изучение факторов судебной деятельности (социальное происхождение, условия судейской работы, идеологическое воздействие на судей, отношения к судьям со стороны других групп юристов и т. д.), 4) отношение общественного мнения к правосудию, 5) каналы и эффективность воздействия правосудия на систему социальных и экономических отношений. Президент Республики Сарагат в 1966 г. в своей речи в парламенте, изложив в глобальном плане кризисную картину итальянского правосудия, указал на полезность обобщения опыта социологических исследований правосудия в национальном масштабе.

На Западе все более важное значение приобретают так называемые институциональные исследования в области уголовной юстиции, т. е. изучение правовых, организационных и технических условий ее функционирования с целью повысить оперативность судебного разбирательства, добиться быстроты и меткости репрессий, а также создать благоприятное впечатление на общественность от работы органов юстиции в целом и ее отдельных агентов. Эта задача выдвинулась на первый план в связи с повышением требовательно-

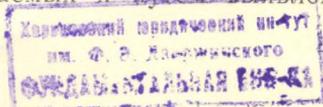
сти населения к юстиции, в связи с возросшим числом преступлений, дезорганизующих общественную жизнь.

Исследования в области уголовной юстиции показали настоятельную необходимость тщательно измерять отношение граждан к ее аппарату до и после контактов с должностными лицами, так как именно через их отношение к делу определяется установка участников уголовно-процессуальной деятельности к различным актам правосудия. В этом смысле наибольший эффект принесло изучение образных представлений о правосудии, путей и средств, используя которые граждане обеспечивают себе доступ к правосудию.

Некоторые буржуазные исследователи пришли к необходимости изучения **эффективности механизма уголовной юстиции** как по отдельным составляющим ее звеньям (полиция, суды, прокуратура, исправительные учреждения), так и по тому воздействию, которое оказывают на ее функционирование различные факторы (ситуационные, психологические, морально-этические). В этом отношении далеко продвинулись исследования в области психологии поведения отдельных участников уголовно-процессуальной деятельности.

В параграфах 4—6 автор анализирует и оценивает информацию, полученную на Западе в результате интенсивного изучения таких проблем, как **уровни знаний права и принципов правосудия** различными слоями населения, уровни правосознания среди лиц, имеющих опыт контактов с юстицией, а также общественный престиж юридических (в том числе и судебных) профессий. В ряде случаев буржуазные исследователи установили факты недоверия населения к праву и формально-бюрократическое отношение к исполнению права со стороны должностных лиц юстиции. В подавляющем большинстве случаев интерес к знанию о праве определяется утилитарно-прагматическими либо профессиональными соображениями, причем контакты на уровне ближайшего социального окружения дают больший информационный эффект, чем официальные источники и даже средства массовой информации.

При исследовании **проблемы правосознания** были обнаружены серьезные затруднения с «вычленением» действия когнитивных, ценностных и поведенческих компонентов, а также с измерением влияния на реальное поведение в сфере права ситуационных и психологических факторов. Было признано наиболее рациональным изучение правосознания через «образные представления» о функциях права и правосудия, а также на основе анализа личностных типологических характеристик опрашиваемых и путем выявления об-



щественного мнения и ценностных ориентаций социальных групп и отдельных индивидов.

Исследования, проведенные во многих странах, показали, что некоторые психологические и социально-психологические факторы в значительной мере определяют структуру правосознания и мотивацию поведения людей в сфере права. Например, выяснилось, что полную оценку правосознания почти невозможно дать без изучения таких категорий, как ригоризм и терпимость по отношению к праву, правовым институтам, ценностям и нормам. Введение в научный оборот этих двух психологических категорий связано с тем, что существует различие между вербальным или декларируемым уважением к закону и реальным отношением к соблюдению его требований, что находит свое воплощение в конкретных актах поведения как отдельных индивидов, так и социо-профессиональных слоев населения.

Некоторые из этих выводов в силу их универсальной значимости должны быть приняты во внимание и советской юридической наукой. Например, факт признания за моралью, обычаями, традициями и привычками населения большой организующей и воспитательной роли обязывает законодателя учитывать их влияние при разработке проектов нормативных актов.

Далее, анализируя падение престижа некоторых юридических профессий, в частности, магистратов суда и прокуратуры, автор акцентирует внимание на таких негативных явлениях в практике капиталистических государств как коррупция, взяточничество и всякого рода злоупотребления, подрывающие доверие населения к закону и лицам, на которых возлагается его применение.

Как показали социологические исследования, проведенные во многих европейских странах (Италия, Франция, Дания, ФРГ, Финляндия), на отношение населения к правосудию влияет совокупность факторов. Некоторые из них являются определяющими, например, социальное положение и происхождение, классовая принадлежность, уровень образования, влияние ближайшего окружения и особенно — частота и характер контактов с органами юстиции (положительный или отрицательный правовой опыт или полное отсутствие контактов с юстицией).

Западноевропейские исследователи отмечают в качестве наиболее общих закономерностей следующие: а) степень уважения к правовой системе возрастает с повышением уровня доходов; б) одним из общих для многих стран (Франция, Италия, Бельгия) выводов был тот, что с повышением уровня образования повышался и уровень критических суж-

дений в адрес юстиции, вследствие чего высокообразованные граждане (в основном студенческая молодежь, интеллигенция), как правило, оценивали деятельность ее органов и отдельных должностных лиц с большим скептицизмом; в) вера в беспристрастность и справедливость юстиции снижается по мере накопления негативного опыта контактов с органами юстиции; г) чем выше уровень самооценки индивида и чем ниже его социальное положение, тем сильнее убеждение в том, что аппарат юстиции относится с большим почитанием к представителям высших обеспеченных слоев общества.

К числу факторов, обуславливающих негативное отношение граждан к системе правосудия, относятся: а) несовершенство законодательства, которое в целом не поспевает за развитием общественных потребностей; б) недостаточная гласность и воздействие приговоров и решений на общественное мнение; в) слабая информация населения о принципах карательной политики; г) неудовлетворительное юридическое обслуживание населения, плохая работа защитников и юридических консультаций; д) недостаточное участие представителей общественности в суде; е) чрезмерное влияние политических соображений при оценке инкриминируемых деяний. Ставить под сомнение эти выводы нет оснований.

В главе III — «**Буржуазная уголовная юстиция и политика. Неформальный механизм правосудия**» — раскрываются многообразные формы влияния политики и организованных групп давления на реализацию функций буржуазной юстиции, в частности, на вынесение судебных решений.

К. Маркс отмечал, что буржуазные революции не привели к коренной ломке всей политической надстройки над феодальным базисом, а лишь приспособили и усовершенствовали старую государственную машину применительно к новым нуждам. «Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе»¹. Судебный аппарат всегда составлял одну из важнейших частей этого здания. Буржуазная судебная система с самого начала складывалась в качестве активной политической силы, с помощью которой правящие классы упрочивают свое экономическое господство.

Буржуазное общество декларировало наряду с презумпцией невиновности, конструкцией состязательности и равенства сторон в процессе также и принцип независимости судебной власти от правительства. Однако развитие торжественно про-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 206.

возглашенных процессуальных гарантий шло отнюдь не по восходящей линии, оно было отмечено зигзагами и движениями вспять. Так обстояло дело и с принципом независимости судебной власти, который формально соблюдался лишь на раннем этапе развития буржуазной государственности. В эпоху обострения классовых противоречий и особенно на империалистической стадии развития капитализма господствующие классы резко изменили свое отношение к концепции правосудия, к тем принципам, на которых оно базировалось. Периоды ломки буржуазно-демократической законности ознаменовались необычайным усилением карательного потенциала уголовной юстиции, созданием чрезвычайных судебных инстанций для подавления противников режима.

По мере усиления политического содержания в деятельности органов правосудия они утрачивали и свою формальную самостоятельность. Буржуазные правительства находили все новые и новые формы прямого и косвенного влияния на деятельность судебного аппарата. Одним из таких способов был и остается принцип подбора лиц на судейские должности по классовому, имущественному признаку. Например, в деле комплектования жюри присяжных во всех странах были установлены жесткие цензовые правила (владение определенным имуществом, ценз оседлости и т. п.).

В период после второй мировой войны вопрос о пределах самостоятельности судебной власти и ее роли в жизни общества во многих странах стал ареной острой внутрипартийной борьбы, поскольку прогрессивная общественность усматривала в укреплении судебной власти одну из гарантий против произвола исполнительных органов.

В европейских странах (Франция, Италия, Бельгия) возникло мощное движение за гуманизацию и демократизацию правосудия, за последовательное соблюдение принципов буржуазно-демократической законности в деятельности суда. Во главе этого движения стояли коммунисты и социалисты. Именно под давлением общественного мнения в Европе принимались некоторые прогрессивные нововведения в области уголовного судопроизводства (в частности, в Италии, во Франции).

Автор последовательно анализирует политические факторы, воздействующие на буржуазное правосудие по уголовным делам. Деятельность судов практически находится под влиянием суммы формально не учитываемых факторов — усилий групп давления, характера личных контактов и убеждений, психологии судейских чинов, их партийно-политических установок и т. п. Кроме того, в условиях капиталистического образа жизни складываются многочисленные нефор-

мальные контакты судебного персонала с правящей элитой, представители которой занимают ответственные посты в мире бизнеса. В результате процветает коррупция, подкуп должностных лиц уголовной юстиции, оказание встречных услуг или выдача денежных подачек лицам, от которых зависит исход судебной тяжбы. В США, например, все более заметную роль в судебных вопросах стала играть прослойка изворотливых дельцов-адвокатов, обслуживающих интересы корпораций, нередко в обход закона.

Все эти факторы в своей совокупности образуют живую ткань неформального механизма юстиции, с действием которого так или иначе вынуждены считаться правительственные круги, официальная печать, ученые-юристы. В общественном мнении также давно сложилось определенное представление о мощном воздействии этих факторов, вызывающих справедливые нарекания даже в среде должностных лиц магистратуры.

В буржуазной правовой действительности складываются ситуации давления, когда отдельные заинтересованные группы стремятся придать либо законотворческому процессу, либо отправлению правосудия, такое направление, которое для них выгодно. Чем лучше организованы и чем богаче группы давления, тем большее значение оказывают они на законодательство и правоприменительную деятельность. Этот процесс характерен и для США и для других высокоразвитых капиталистических стран.

В борьбе влиятельных групп давления проявляется одна из современных особенностей социальных противоречий и классовой борьбы, логика которой толкает даже капиталистические объединения, связанные общими интересами, на путь соперничества, а иногда и противодействия решениям центральных или местных властей. В западной политологической литературе содержится много доказательств того, что судебная власть, так же как исполнительная и законодательная, находится в фокусе напряженных политических комбинаций, связанных с проникновением частных интересов в публичную сферу. В США и во многих европейских буржуазных государствах (Англия, Франция, Италия, ФРГ) сложилась практика вмешательства в судебную деятельность, влияния на вынесение приговоров и решений. В этот процесс вмешиваются, помимо государственной администрации, партийные лидеры, профсоюзные боссы, предприниматели и дельцы.

В § 5 главы IV выделен вопрос о формировании новой судебной практики, которая получила название дискреционной, т. е. основанной на свободном усмотрении клиентуры,

должностных лиц и органов, участвующих в правоприменительной деятельности. Для развития дискреционной юстиции в США давно сложились весьма благоприятные обстоятельства. Во-первых, там нет четкой координированной системы централизованного контроля за функционированием юстиции и ее должностных лиц. Во-вторых, в США широко как нигде более распространилась практика злоупотреблений властью, основанная на подкупе должностных лиц и неформальном урегулировании конфликтных ситуаций.

Практика дискреционной юстиции («антиюстиции») находит свое обоснование и оправдание в буржуазной теории права. В США утвердился взгляд на уголовный процесс как на проходящий перед судом спор между наделенными равными юридическими возможностями обвиняемым и обвинителем (гражданином и государством). По логике этого взгляда уголовное судопроизводство включает в себя лишь то, что происходит перед судом; все отношения, складывающиеся в связи с уголовными делами до суда и вне суда, а равно все действия, совершаемые в таких условиях, выходят за сферу судопроизводства. Практически реализация такой концепции привела к тому, что деятельность прокуратуры, полиции и иных органов, ведущих досудебное расследование уголовных дел, в значительной мере оказалась неурегулированной в законодательстве. Продуктом дискреционной юстиции являются «сделки о признании» как результат соглашения между обвиняемым и защитой с обвинителем.

Механизм свободного усмотрения в правосудии не является, однако, чисто американским продуктом. Дискреционные формы улаживания конфликтов широко распространены в Канаде и в европейских странах. В этих странах нарастает тревога в связи с «обесценением правовой формы разрешения конфликтов». В подавляющем числе конфликтных ситуаций власть юстиции оказывается все менее эффективной.

Буржуазные теоретики чрезмерно превозносят достоинства дискреционной юстиции, которая якобы позволяет: добиться кратчайшим путем смягчения враждебности в конфликтных ситуациях, расширить состязательную сферу правосудия, добиться лучшей реализации основной функции суда — социального умиротворения. Кроме того, процесс во враждебной обстановке якобы подталкивает суд к тому, чтобы прислушаться к аргументам и доводам той стороны, которая располагает большими возможностями для развития дела, особенно в том случае, если стороной по делу выступает государственный орган или учреждение.

Все эти утверждения лишены какого-либо морального обоснования и резко расходятся с фактами. Во-первых, по-

тому, что возникновение большинства конфликтных ситуаций обусловлено социальной действительностью и теми несправедливостями, которые в ней коренятся, а они никак не могут быть погашены за счет двусторонних действий, какой бы инициативой или предприимчивостью не обладали стороны и как бы миролюбиво они не относились к взаимным притязаниям. Во-вторых, фиктивным является утверждение о том, что бремя тяжбы (выявления источников, представления доказательств и их проверки в суде) могут нести сами стороны, а суд является лишь беспристрастным арбитром, резюмирующим ее исход. Ни в одном из судебных процессов суд не остается равнодушным к исходу поединка. Обычно он встает на чью-либо сторону, как правило, защищая интересы богатых и влиятельных лиц.

Реформирование правосудия на основе свободного усмотрения сторон не имеет ничего общего и с адекватным соблюдением принципа состязательности. Этот принцип может быть реализован в полной мере и в законной форме лишь при условии равенства сторон и равных возможностей в отстаивании своих интересов. То состязательное начало, которое афишируют сторонники дискреционной юстиции, по существу означает дальнейшее развитие негативной практики, в том числе расширение возможностей откупа от уголовной ответственности путем выплаты денежного эквивалента непосредственно жертве преступного действия или ее родственникам в случае, если результатом преступления явилась смерть потерпевшего. Такое «процессуальное состязание», при невмешательстве судьи и решающей роли «частной инициативы» в судебном процессе приносит победу лишь тому, кто располагает достаточными средствами, чтобы организовать досудебный поиск свидетелей, вещественных доказательств, оплатить экспертов и т. п. Победителем в таком «состязании», как правило, оказывается экономически более сильная сторона. И подобно тому как реализация экономической теории невмешательства приводит к «демократии» сильного, так и юридическая ее тень — принцип судейского арбитража — приводит к тому, что лозунг «равенство всех перед законом» выглядит лишь формальной декларацией.

Буржуазный судья отнюдь не нейтральная фигура в процессе, поскольку под нейтральностью подразумевается независимость от каких-бы то ни было сил давления или внешнего влияния. Разумеется, что такую идеальную ситуацию в мире, насыщенном контактами, трудно создать или сохранить. Судья не нейтрален также и потому, что применяемый им инструмент — закон предназначен для сохранения власти тех, кто его создал. Каждое выносимое судьей решение есть

акт политический и социальный по своему характеру. Это обстоятельство расходится с официальной правовой доктриной, которая применяемый в суде закон обычно преподносит в качестве «выразителя общего интереса» и «общей воли».

В главе IV — «Буржуазная уголовная юстиция перед лицом научно-технического прогресса. Кризис и проекты реформ» — автор показывает процесс приспособления буржуазной уголовной юстиции к условиям научно-технического прогресса. Это приспособление происходит несколькими путями: за счет внедрения в судебную деятельность достижений науки и техники, путем использования данных бихевиориальной психологии для прогнозирования поведения судей и других участников уголовно-процессуальной деятельности, путем использования правометрии для вероятностного предсказания существа судебных решений и исхода судебных тяжб. Все эти направления развиваются одновременно и приводят наряду с позитивными достижениями (учет влияния внеправовых факторов, рационализация судебной работы) к ряду отрицательных явлений, в частности, к ущемлению прав личности и усилению вмешательства в судебную деятельность как правительства, так и частных корпоративных организаций, адвокатских фирм и т. п.

В США конкретные исследования личностных качеств судей имеют более чем полвековую историю. Так, в 1922 г. проф. Гарвардского университета Чарльз Кейнс провел исследование влияния личностных, а также политических и экономических факторов, определяющих социальных облик судьи и его решения. Его вывод заключается в следующем: есть прямые и косвенные факторы, влияющие на решение. Косвенные — образование, семья и личные связи, имущественное и социальное положение. Прямые — юридический и политический опыт, политическая принадлежность и взгляды, черты интеллекта и темперамент. Работы Ч. Кейнса, Д. Истона, У. Ф. Мэрфи и др. политологов и юристов заложили основы для таких направлений в американской социологии права, как бихевиориальная психология и правометрия (*jurimetrics*), ставящие задачей изучение мотивации поведения должностных лиц в сфере отправления правосудия и измерение факторов, определяющих вынесение судебных решений. Для дальнейшего развития бихевиористских и правометрических исследований в США большое значение имели работы профессора Мичиганского университета Глендона Шуберта.

Диссертант последовательно доказывает, что в своих выводах и обобщениях бихевиористы не идут дальше описания функционального действия тех или иных факторов, оставляя в стороне вопрос об их иерархической соотносимости и при-

чинной взаимосвязи. Между тем, именно выяснение причинных связей необходимо для подлинно научного объяснения не только мотивации поведения судей, но и для рассмотрения самого правосудия прежде всего как орудия социального господства. Американская школа бихевиориальной психологии стремится раскрыть процесс мотивации поведения судей и других участников процесса в основном через природу внутренних импульсов, определяющих одновременно и социальный облик (тип) судьи и его отношение к оценке вопросов факта и права. При этом смысл судейской мотивации нередко приобретает одностороннюю направленность — служить своекорыстным интересам состоятельной клиентуры подчас в обход действующих нормативных требований, если они препятствуют достижению цели. Прагматический взгляд на право целиком отвечает этой концепции. Подобный взгляд ярко иллюстрирует буржуазное понимание правоприменительной деятельности, в которой превыше всего ценится достижение личного успеха, хотя бы противозаконными, аморальными средствами. В связи с этим уместно привести известное высказывание Маркса: «Интересу права предоставляется слово лишь постольку, поскольку он — право интереса, но интерес права должен умолкнуть, как только он вступает в коллизию с этой священной особой»¹.

В диссертации приводится ряд фактов, иллюстрирующих **реальные возможности судебной психологии и правометрии**. Они имеют определенную прикладную ценность, особенно при прогнозировании исхода судебных дел, что выгодно корпорациям и фирмам, ведущим одновременно множество однородных дел в различных судебных инстанциях.

Правометрия допускает широкое применение счетно-решающих устройств и информационных машин для обработки значимых факторов, могущих оказать влияние на процесс обоснования судебного решения. Утверждается, что принятие такого «тщательно взвешиваемого решения» требует рационального поведения, т. е. такого поведения или курса действий, который обеспечивает достижение цели кратчайшим путем, т. е. с наименьшими затратами энергии при оптимальных результатах.

Сторонники правометрии обещают усилить роль специалистов-экспертов в судопроизводстве, особенно в тех ситуациях, когда суд полагается на собственное усмотрение; зафиксировать ключевые и стереотипные факторы, влияющие на принятие судебного решения с тем, чтобы в конечном счете создать «электронного судью», т. е. такое электронно-ре-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 157.

шающее устройство, которое выполняло бы функцию по разрешению дела более эффективно, чем сами судьи.

Однако и в США и в Англии среди прогрессивно мыслящих юристов наблюдается сдержанное отношение к внедрению техники. Утверждается, например, что автоматизированный поиск информации в самом судебном процессе на предмет обоснования конкретного решения таит в себе колоссальный риск, так как никакая даже самая точная техника не в состоянии уловить тончайшие нюансы, связанные с оценкой фактов и доказательств.

В действительности возможности правометрии ограничены даже в узко-прикладном смысле, например, в том, что касается вероятностного предсказания исхода судебного процесса.

Марксистская концепция психологического феномена исходит из взаимообусловленности социального и психологического, объективного и субъективного. Психологический портрет участников судебной деятельности, будучи важнейшим ее фактором, в свою очередь, определяется совокупностью объективных социальных факторов, роль которых является решающей. Именно этими факторами определяется и личная ответственность каждого из участников судебной деятельности и успех этой деятельности в плане достижения целей, поставленных законодателем. Что же касается «математизации» социальных наук, предсказанной еще К. Марксом, то сама по себе она вносит в правоведение прогрессивное начало и потому вызывает научный интерес. Однако при оценке возможных позитивных результатов «точных» исследований следует принимать во внимание и философско-идеалистическую позицию некоторых специалистов по правовой психологии и их антидемократическую ориентацию.

Далее (в § 3) диссертант раскрывает потенциальные возможности и практическую результативность широкого использования информационно-поисковых систем и технически квалифицированно и грамотно составленных сборников по законодательству и судебной практике. Создание надежных поисковых систем несомненно означает важную веху на пути модернизации правовых систем. Особенно большие преимущества оно сулит в деле совершенствования законодательной техники и правового обслуживания клиентуры. Однако не следует упускать из виду и то обстоятельство, что использование информатики характеризуется рядом отрицательных моментов. Один из них связан с проникновением «информирующих органов» в частную жизнь граждан, в сферу их интимных интересов. С другой стороны, правительство и органы государственной администрации, устанавливая свой конт-

роль за частной сферой и поощряя рост технократии, допускают большое количество злоупотреблений, связанных с превышением власти. По существу вся эта сфера выпадает из-под контроля судебной власти, которая утрачивает остатки самостоятельности в деле обеспечения гражданских прав и свобод.

Значительное место в последней главе отводится характеристике **кризиса буржуазной уголовной юстиции**. Кризис буржуазного правосудия — явление многоаспектное: он проявляется не только в концептуальном плане, но и затрагивает в равной мере материальные, организационно-технические, морально-этические и психологические аспекты отправления правосудия. Об этом пишут, хотя и с разных позиций политологи, социологи, журналисты, психологи и юристы-профессионалы.

Показательными для характеристики кризисных моментов правосудия являются рассмотренные в диссертации проблемы судебных ошибок, факты безнаказанности и коррупции, а также несоблюдение или нарушение ряда важнейших конституционных принципов правосудия — равенства сторон, состязательности, презумпции невиновности и др.

Далее диссертант рассматривает проекты реформ, выдвигаемых как правительством, так и отдельными учеными, представителями общественных организаций и институтов.

Буржуазное государство, заинтересованное в упрочении своей социальной базы, несомненно прислушивается к голосу теоретиков, которые предлагают частичные реформы в области правовой надстройки с целью приспособления уголовной юстиции к новым нуждам и потребностям, порожденным, в частности, научно-технической революцией.

Несмотря на то, что буржуазные социологи почти единодушны в своем признании кризисного состояния правосудия, пути выхода из этого состояния намечаются самые разные. Одни стремятся сохранить институты правосудия в неизменном виде, частично обновив нормы материального права, внося коррективы в карательную политику и т. п. Другие настаивают на проведении широких реформ в области структуры и функций правосудия с целью его приближения к требованиям современного общества.

Наконец, существует влиятельная группа из числа социологов, которые за основу реформ в области правосудия выдвигают наряду с функциями более широкого толкования закона наделение судьи нормотворческими функциями. Конструируется образ судьи — «социального архитектора» или «социального терапевта». Такие идеи особенно в моде в ФРГ, в Италии, во Франции.

Автор отмечает характерные различия в реформаторских идеях, выдвигаемых в западноевропейских странах со стороны официальных правительственных кругов и прогрессивной части ученых. В официальных проектах (Италия, Франция, ФРГ) на первый план в деле повышения эффективности уголовной юстиции выдвигаются предложения об ускорении и упрощении судебных процедур по ряду категорий судебных дел. Зачастую это влечет за собой известное ослабление процессуальных гарантий. Законодательство пополняется новыми актами, предусматривающими усиление уголовной ответственности за совершение действий, посягающих на внутреннюю и внешнюю безопасность государства. Именно за счет «политических деликтов» возрастает объем криминализации общественно-опасных действий.

Другую позицию занимают прогрессивные западноевропейские юристы и социологи. Реформу уголовной юстиции они предлагают начать с устранения из перечня уголовных проступков и преступлений тех, которые общество не считает более опасными и подлежащими уголовному преследованию. В большинстве западноевропейских стран особо остро стоят вопросы облегчения доступа населения к органам юстиции, удешевления расходов по процессу со стороны малоимущих, а также проведения полезных организационно-технических усовершенствований в судебной деятельности.

В США существуют такого же рода принципиальные различия в проектах реформ уголовной юстиции, исходящих от прогрессивных деятелей и правительственных инстанций. Прогрессивная часть общественности США реформу судебной системы, как правило, связывает с пересмотром социальной структуры общества в целом, оздоровлением социального климата и смягчением классовых антагонизмов; официальные же проекты реформ в области правосудия украшаются многообещающими призывами к охране интересов общества, укреплению порядка и дисциплины, тогда как их действительная подоплека нередко состоит в том, чтобы усилить карательный механизм, попутно обеспечив его новыми средствами борьбы с инакомыслящими. В предложениях общественности и особенно прогрессивных ученых США проскальзывает озабоченность за судьбу конституционных гарантий правосудия и права личности в уголовном процессе; в официальных же проектах тщательно вычеркивается все то, что направлено на ограничение прерогатив полиции, следственных органов и магистратов суда и прокуратуры.

В кризисе, поразившем систему уголовной юстиции США и западноевропейских стран, имеется много общего. По единодушному мнению специалистов, буржуазная уголовная

юстиция неэффективна в своей процедуре, не приспособлена к современным нуждам и несправедлива в своих решениях, будучи подвержена всякого рода давлению и политическим влияниям. Буржуазный законодатель демонстрирует свою враждебность к прогрессивным проектам, стремясь любыми путями ослабить или вовсе исключить общественный контроль над правосудием, не допустить его демократизации и ослабления репрессивного потенциала. Вследствие этого, подобно тому как существует разрыв между духом и буквой закона, образуется разрыв и между концептуальным пониманием правосудия и его отправлением на практике.

Нельзя, однако, сбрасывать с весов то положительное, что несут с собой социологические исследования в области уголовной юстиции. Например, в США, как ни в одной другой стране, так много и откровенно не показываются все несовершенства и пороки правосудия и действующих систем исправления преступников, причем разоблачающие сведения и суждения нередко проникают и на страницы официальных документов и отчетов. Так было в 1967 г., когда президентская комиссия по применению законодательства и отправлению правосудия, констатируя ряд кризисных моментов во всех звеньях юстиции, пришла к выводу о необходимости «коренных и всеобъемлющих реформ». Так было и в 1976 г., когда юридические комиссии Конгресса признали удручающее состояние дел в области состояния преступности, следствием чего было принятие закона 1976 г. о контроле над преступностью.

В заключении автор указывает на демагогический характер некоторых теорий в области правопорядка и контроля за отклоняющимся поведением, когда праву и юстиции приписываются исцеляющая и нейтрализующая роль. В то же время отмечается объективное положительное значение усилий социологов лево-радикального направления, эмпирически доказавших всю глубину кризиса буржуазного правопорядка и законности, которая усугубляется органическими пороками буржуазной системы права и правосудия (архаичность и сложность законодательства, громоздкость и обременительность судебных процедур, консервативность и предвзятость судей и т. п.). Но, пожалуй, ничто так плохо не характеризует буржуазную демократию, как отсутствие уважения к праву и правопорядку, «бегство от юстиции» и формально-бюрократическое отношение к исполнению правовых норм в сочетании с утилитарно-прагматическим подходом к оценке их смысла. К такому выводу одновременно пришли и политологи и социологи, ученые и практики.

Изучение буржуазной уголовной юстиции с марксист-

ских позиций полезно и необходимо во многих отношениях. В концептуальном плане оно помогает уяснить социально-политический смысл и классовую природу правосудия как общественного института, сопоставить его реальное функционирование в условиях капитализма и социализма.

В технико-методическом плане опыт проведенных на Западе исследований уголовной юстиции также заслуживает конструктивного анализа. Несомненно, что в той мере, в какой этот опыт обладает относительной самостоятельностью и его удастся отделить от исходных методологических установок буржуазных ученых, их классово-партийных позиций, он может принести определенную пользу при организации и проведении конкретных социологических исследований на основе марксистско-ленинских методологических принципов.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Буржуазная социология права. Изд-во «Юридическая литература», М., 1978, 10,92 п. л.

Рецензии на эту монографию опубликованы в журналах «Советское государство и право», 1979, № 5; «Социологические исследования», 1979, № 3.

2. Французская уголовная юстиция. М., 1968, 7,8 п. л.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. Предисловие к переводу. Изд-во «Прогресс», М., 1966, 1 п. л. (в соавторстве).

4. Проблема правосознания в буржуазной юридической социологии, в сборнике «Вопросы эффективности правового воспитания», Всесоюзный Институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М., 1977, 1,2 п. л.

5. Престиж юридических профессий в буржуазных странах, в сборнике «Вопросы теории и практики правового воспитания». Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М., 1976, 1 п. л. (в соавторстве).

6. Влияние групп давления на аппарат власти буржуазного государства. «Советское государство и право», 1969, № 8, 0,8 п. л.

7. Преступники и полиция. «Социалистическая законность», 1967, № 5, 0,7 п. л.

8. Рост преступности в стране «экономического чуда». «Социалистическая законность», 1963, № 4, 0,4 п. л.

9. Чрезвычайная юстиция во Франции. «Социалистическая законность», 1964, № 2, 0,5 п. л.

10. Проблема личности и права в освещении буржуазных исследователей. В кн.: «Проблемы социологии права». Вильнюс, 1970, 0,4 п. л.

11. Критика концепций американских социологов о роли права в реализации функций социального контроля. В сборнике «Критика современной буржуазной социологии». Труды ИКСИ АН СССР, вып. 2, М., 1976, 0,7 п. л.

12. О значении правовой культуры в деятельности суда. В сборнике «Правовая культура в юридической практике». Изд-во АОН при ЦК КПСС, М., 1977, 0,6 п. л.

13. Эффективность права как формы социального контроля. В кн.:

«Эффективность применения уголовного закона». Изд-во «Юридическая литература», М., 1973, 1,2 п. л. (в соавторстве).

14. Юридическая социология во Франции. «Советское государство и право», 1979, № 4, 0,8 п. л.

15. Престиж юстиции и юридических профессий в социалистическом обществе. В кн.: «Личность и уважение к закону. Социологический аспект». Изд-во «Наука», М., 1979, 1,2 п. л.

16. Формирование уважения к праву как социологическая проблема. В кн.: «Личность и уважение к закону. Социологический аспект». Изд-во «Наука». М., 1979, 2,6 п. л. (в соавторстве).

17. Критика буржуазных концепций малых групп и социально-правового конформизма. В кн.: «Право и социология». Изд-во «Наука». М., 1973, 1,4 п. л.

18. Вопросы исправительно-трудового права по законодательству зарубежных государств (обзор). «Информация о законодательстве зарубежных стран», вып. № 7. Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства, М., 1965, 2,2 п. л.

19. Преступность в Швеции. «Советская юстиция», 1967, № 6, 0,4 п. л.

20. Влияние научно-технического прогресса на правовое регулирование. «Советское государство и право», 1972, № 10, 1 п. л.

21. L'approche sociologique dans la recherche juridique, в кн: «Travaux du colloque de sociologie juridique franco-soviétique», Paris, 1975, 0,4 п. л.

Отдельные вопросы темы освещены в других публикациях автора (коллективные монографии, статьи в юридических журналах, обзоры по иностранному законодательству, рецензии; всего 70 работ общим объемом более 80 печ. листов).